

ни дальнейшие перипетии российской жизни. И поныне идея продолжает существовать: и в первоначальном религиозном виде, и как наследие славянофильского движения в форме веры в уникальную судьбу России и ее вселенскую миссию. Идея действительно значительно пережила время своего рождения и не пополнила ряды старых отживших истин. Вступив в третье тысячелетие, эта идея, пусть и не является более в пределах страны абсолютно не подлежащей сомнению, тем не менее, продолжает питать новые умозрительные построения и быть материалом для вполне материальных воплощений.

Мир человеческий живет такими мифами. Не зря Ницше задачей своей новой философии видел сознательное творение мифов и иллюзий: «Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий

характер, свои силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает культурное движение в некое законченное целое».<sup>5</sup>

1 *Наставница жизни (лат.)*

2 Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Прогресс, 1991. - с.127

3 Имеется в виду то, что социальный миф неоднозначен и в течение своей жизни неоднократно меняет свою направленность: нейтральную на положительную, положительную на отрицательную и обратно (миф о Ленине, например, миф о «золотом веке»).

4 Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. - М.: Айрис-пресс, 2003. - с. 508

5 Ницше Ф. «По ту сторону добра и зла». - Москва.: Совместное итало-советское издательство «Сирин», 1990. с 187

## МЕТАФОРА: ФИЛОСОФСКИЕ ГРАНИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

А.Н. Фатенков  
(г. Нижний Новгород)

Судьба метафоры как феномена культуры удивительна. Поначалу она обнаруживается Аристотелем в качестве всего лишь одной из тропических фигур речи. Именно той, в которой осуществляется «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии».<sup>1</sup> Метафора украшает речь – и поэтическую (особенно при ямбическом стихосложении), и прозаическую, – делая её «не затасканной и не низкой»,<sup>2</sup> но вряд ли придаёт говорению и письму ясность, ибо последней отличаются те «из имён и глаголов... которые употребляются в собственном имени».<sup>3</sup> Стагирит советует менять местами имена «предметов близких, но не явно», отыскивая сходство «и в вещах, далеко отстоящих друг от друга».<sup>4</sup>

Сегодня статус интересующего нас тропа в интеллектуальном сообществе запредельно высок. В метафоре «стали видеть ключ к пониманию основ мышления».<sup>5</sup> Открыто раздаются голоса в пользу её гипостазирования и распространения не только на сферу мышления и языка, но и на область действия, практики.<sup>6</sup> Нынешние гуманитарии возвращаются тем самым к идее, отчеканенной некогда в творческой мастерской Ф. Ницше: «... Побуждение к образованию метафор – это основное побуждение человека...».<sup>7</sup> *Трактующая максимально широко, метафора понимается как процесс и результат переноса одного фрагмента словесно-вещной реальности на место другого.* Социокультурное пространство богато на такие события, оттеняющие его семиотический и – уже – лингвистический каркас.

Дополняя и подправляя Аристотеля, в метафоре в настоящее время предпочитают находить не только и не столько сокращённое уподобление, сколько сокращённое противопоставление.<sup>8</sup> На взгляд Ж. Лакана, например, «современная поэзия и сюрреалистическая школа сильно помогли нам, показав, что в принципе всякое соединение двух означающих может с равным успехом образовать метафору; но для возникновения поэтической искры, т.е. для того, чтобы метафорическое творчество состоялось, образы означаемого должны быть *максимально чужеродны друг другу* (курсив мой – А.Ф.)».<sup>9</sup> Но доминируют в академической среде всё же более гибкие интерпретации.

В истолковании Р.О. Якобсона, «метафора устанавливает продуктивную ассоциацию путём аналогии *или* (курсив мой.– А.Ф.) контраста».<sup>10</sup> По версии С.С. Гусева, «выступая средством квазиотождествления несходных (иногда даже противоположных) предметов мысли, метафора создаёт своеобразный контекст «как если бы», позволяющий в явной форме фиксировать одновременно *и сходство и различие* (курсив мой.– А.Ф.) сопоставляемых объектов».<sup>11</sup>

С точки зрения М.М. Прохорова, метафоризация инициирует семантическую текучесть устоявшегося, косного, а «в текучих мыслях современности», напротив, оттеняет устойчивое, достойное стать «вновь выдвигаемыми основоположениями, мировоззренческими ориентирами».<sup>12</sup>

Впрочем, все внесённые недавно коррективы хорошо укладываются в исходную аристотелевскую дефиницию – если подойти к ней, подобно Ж.

Лакану, с некоторой вольностью (но можно сказать и по-другому: если подойти к ней предельно формально). А именно: если обмен имён и предикатов мыслить осуществляющимся в анизотропном, разнородном пространстве. В случае закрытости для разума некоторых сегментов последнего, в Стагиритово определение попадает и версия Ю. Давыдова – М. Розина, согласно которой «метафора – это сравнение, в котором признак подобия или не сформулирован впрямую (хотя мог бы быть сформулирован) или вообще не поддается формулировке (курсив мой.– А.Ф.)».<sup>13</sup>

При неизвестной нюансировке Стагиритовой дефиниции обнаруживается, что метафора покрывает собой всё поле тропов, оказываясь прасимволом иносказания. Обмен имён и предикатов между видами и индивидуальными предметами, находящимися в состоянии смежности, образует *метонимию*, а соотносящимися по схеме «часть – целое» – *синекдоху*. Замещение логико-грамматических форм, конструирующее семантически абсурдное выражение, идентифицируемо как *катахреза*, продуцирующее семантически парадоксальное выражение – как *оксюморон*.

Становясь самокритичной, метафора приобретает черты *иронии*. «Ирония, Метонимия и Синекдоха – это типы Метафоры», – резонно заключает Х. Уайт, рассматривающий катахрезу и оксюморон вариациями иронической фразы, а заглавные тропы – разновидностями единой речевой структуры, отличающимися по характеру «редукций или интеграций, которые они обуславливают на буквальном уровне своего значения, и по типу пояснений, для которых они предназначены на фигуративном уровне».<sup>14</sup>

Метафора концептуально схватывает и выражает прежде всего момент *структурной изменчивости* в развивающейся реальности. Понятно, что на различных материках семиосферы, в разных областях культуры – в мифе, религии, литературе, науке, философии – рассматриваемый онтологизированный троп выказывает помимо общих ещё и специфические свои черты. Х. Ортега, например, обнаружил важное отличие механизмов его функционирования в поэзии и в науке: «В поэзии метафора на основе частичного сходства двух объектов делает ложное утверждение об их полном тождестве. Именно это преувеличение, нарушающее границы истины, и придаёт ей поэтическую силу... Наука инвертирует пользование метафорой. Она начинает с полного отождествления двух объектов заведомо различных, чтобы прийти к утверждению их частичного тождества, которое и будет признано истинным».<sup>15</sup>

Выявление культурно-видовых признаков метафоры, несомненно важное и само по себе, позволяет к тому же уточнить содержание интересующей нас родовой категории.

*Взятая в качестве общего имени всех тропических модификаций, метафора выступает*

*атрибутивным признаком самоценного поэтического (литературно-художественного) языка. Он противопоставляется коммуникативному, практическому языку, самостоятельной ценности не имеющему и выполняющему по преимуществу транслирующие, посреднические функции. Первый имеет цель в самом себе, второй – вне себя, в ином. Данный тезис Л.П. Якубинского<sup>16</sup> восходит, по разысканиям Ц. Тодорова, к положению К.Ф. Морица о размежевании прозы и стиха по признаку гетеро- и автотеличности.<sup>17</sup>*

Внутренний телеологизм бытийствующего языка и дальное действие метафоры, связывающей разбросанные по всему семиотическому полю вещи, знаки, смыслы и образы, создают глубину поэтического слога, которая, впрочем, при чрезмерной устремлённости в бесконечность теряет своё обаяние. Любопытны в данном контексте отголоски спора опоязовцев о соотносённости разных тропов с тем или иным типом литературного дискурса. Б.М. Эйхенбаум отстаивал тезис о фундаментальной метонимичности поэзии и метафоричности прозы. Он полагал, что метафора (в частности, у символистов) уводит автора и читателя «от слова к представлению... делая стих ненужным».<sup>18</sup>

Напротив, в текстах с «равновесием стиха и слова (в частности, у акмеистов – А.Ф.)... заметно отсутствие метафор – вместо них развиваются многообразные боковые оттенки слов при помощи перифраз и метонимий». В строках А. Ахматовой и О. Мандельштама, подчёркивает советский литературовед, «слова не сливаются, а только соприкасаются – как частицы мозаичной картины».<sup>19</sup>

Р.О. Якобсон придерживался кардинально иной, и заметно шире распространённой в интеллектуальном сообществе, точки зрения. Несмотря на существование стихов метонимической текстуры (например, Б. Пастернака) и прозаических повествований, пересыпанных метафорами (в частности, у А. Белого), бесспорно, на его взгляд, «самое тесное и глубокое родство» стиха с метафорой, а прозы с метонимией.<sup>20</sup>

К полемике опоязовцев подключается Б.А. Успенский. Анализируя творчество О. Мандельштама, – метонимически, напомним, по Б.М. Эйхенбауму, ориентированное, – он утверждает: напротив, именно метафоры составляют «фактуру мандельштамовского стиха».<sup>21</sup> Однако они, выйдя из-под пера акмеиста, не отсылают к трансцендентной, напрямую невыразимой реальности, что свойственно метафорике символистов, а направляют нас «к конкретной изобразительности» заведомо постигаемого мира, схватываемого как изысканным, так и обыденным языком. «В известном смысле, – уточняет Б.А. Успенский, – полемика акмеистов с символистами – это отражение старого спора номиналистов и реалистов, и не случайно, может

быть, в статье «О природе слова» Мандельштам заявляет о «русском номинализме», который заключается «в представлении о реальности слова как такового».<sup>22</sup> Слова-домоседа, заключённого в фиксированное трёхмерное пространство, в систему тривиальных равенств ( $A=A$ ,  $B=B$ ...). Меж которыми – ничтожность, пустота.<sup>23</sup>

Но можно ли тогда быть уверенным в самодостаточности и самопричинности слова? Не подчинено ли оно в данном случае торжествующему ничтожеству небытия? Не окажется ли тогда всякое А (вещь, мысль, слово, экзистирующая личность) производным от тождества самому себе, от некоей реляции, от чего-то относительного?

Откровенно говоря, «номинализм никогда не был глубоким... или даже плодотворным направлением в философии».<sup>24</sup> Деонтологизируя реальность, превращая её в мозаическую дробность, невесть как скрепляющуюся небытийной пустотой, он прибавляет нас к метафизическому мелководу. За провозглашаемой апологией человеческой сенсорики в нём нетрудно разглядеть самонадеянность рассудка, априорно постулирующего плавный линейный переход единичных представлений субъекта в общие представления, а тех – в интересующие понятия, конвенциональные по своей природе. Прельщение номинализмом возникает вследствие несообразностей крайнего реализма, гипостазирующего понятийные сущности и необоснованно удваивающего мироздание. Либо вследствие сугубо эссенциалистской интерпретации реализма умеренного, когда опрометчиво пренебрегают энергичным срезом бытия. Обобщённо: при жёстком соподчинении метафизических инстанций. В частности, при однонаправленном странничестве поэта. Когда он, пробираясь от реального к реальному, от сущего к бытию, усматривает достовернейшее не просто в далёком, а в потустороннем. Забывая о родном крове – этом надёжном пристанище экзистенции, горизонте нашего вечного возвращения. Оплошность символистов не в том, что они были «плохими домоседами» и «любили путешествовать»,<sup>25</sup> а в том, что брали билет нередко лишь в один конец. Их помыслы и сказы – преимущественно об ином.

И метафора, и метонимия, изгибая вербальную структуру, претендуют на символическое (ре)конструирование многоплановой в лингвистической реальности. Но стереоскопическую картину мира (вос)создаёт только метафора. Метонимия, опирающаяся на отношения непосредственной смежности (близкодействия), эффектна и эффективна при выкладывании плоскостного панно единичных предметов, изворотливо выскользнувших из-под субстанциальной опеки.

Номиналистический, атомистический дискурс (тут его, действительно, нельзя не узнать) если и предполагает объёмную оптику, то всё равно настраивает её на однородное,

изотропное пространство-вместилище, в котором поверхностно соприкасаются автономные субъекты и обособленные друг от друга объекты. Метафора здесь неизбежно опрощается до метонимии. Симптоматично, что чуждый номиналистическим поветриям Г.Г. Шпет не принимает ахматовской поэзии: «Никакое, ничтожное содержание в многообещающей форме есть эстетическая лживость (Ахматова, напр.)... Бытие космоса распалось в буднях, быль слова не уразумевается, остаётся мозаика клочков быта, выдаваемая за монолитную действительность».<sup>26</sup> Изобилующий множеством феноменальных перегородок, но однокачественный по своему существу мир акмеистов редуцирует самодержавное домашнее житие к балаганному коммунальному сожительству.

В той мере, в какой философия и поэзия (в том числе, символическая) окончательно отрывают трансцендентное, сакральное, таинственное от осваиваемой человеком ойкумены, не допускают экзистенциальных скачков в запредельное или сводят их к минимуму, ограничиваясь умозрением соседствующих во времени и пространстве фрагментов эмпирии, метафоричность языка делается излишней. На смену ей заступает метонимическая фактура слова. И тут сферическое бытие схлопывается до плоского быта.

#### Примечания

- 1 Аристотель. Поэтика, 21 / Пер. В.Г. Аппельрота // Аристотель. Риторика. Поэтика: Пер. с древнегреч.- М.: Лабиринт, 2000.- С. 170.
- 2 Аристотель. Поэтика, 22 // Там же.- С. 172.
- 3 Аристотель. Риторика, III, 2 / Пер. О.П. Цыбенко // Там же.- С. 115.
- 4 Аристотель. Риторика, III, 11 // Там же.- С. 131.
- 5 Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник.- М.: Прогресс, 1990.- С. 6.
- 6 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Пер. с англ. Н.В. Перцова // Там же.- С. 387.
- 7 Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле (Автор перевода не указан) // Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху.- М.: REFL-book, 1994.- С. 263.
- 8 Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс.- С. 18.
- 9 Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда / Пер. с фр. А.К. Черноглазова, М.А. Титовой - М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997.- С. 65.
- 10 Якобсон Р.О. Заметки о прозе поэта Пастернака / Пер. с нем. О.А. Седаковой // Якобсон Р.О. Работы по поэтике.- М.: Прогресс, 1987.- С. 328-329.
- 11 Гусев С.С. Наука и метафора.- Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984.- С. 11.
- 12 Прохоров М.М. Философская метафора экологической эпохи. Материалы спецкурса.- Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995.- С. 7.
- 13 Цит. по: [Реферат] // Социальные науки. Сер. 3. Философия: РЖ.- 1995.- № 3.- С. 116.- Реф. ст.: Давыдов Ю., Розин М.В. От разоблачения метафор – к созданию новых /

Ю. Давыдов, М.В. Розин // Мир психологии и психология в мире. - М., 1994. - № 0. - С. 102-107. Возможно, один из авторов данной концепции В.М. Розин; оригинал реферированной статьи оказался, к сожалению, мне недоступен.

14 Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. - С. 52.

15 Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Пер. с исп. Н.Д. Арутюновой // Теория метафоры. - С. 74.

16 См.: Якубинский Л.П. О звуках стихотворного языка // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. - М.: Наука, 1986. - С. 163.

17 Тодоров Ц. Теории символа / Пер. с франц. Б. Нарумова. - М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общ-во, 1998. - С. 188.

18 Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова. Опыт анализа // Эйхенбаум Б.М. О поэзии. - Л.: Советский писатель, 1969. - С. 133.

19 Там же.

20 Якобсон Р.О. Заметки о прозе поэта Пастернака. - С. 331.

21 Успенский Б.А. Анатомия метафоры у Манделштама // Успенский Б.А. Избранные труды, том II. Язык и культура. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - С. 307.

22 Там же. - С. 331-332.

23 См.: Манделштам О. Утро акмеизма // Литературные манифесты от символизма до наших дней. - М.: XXI-век – Согласие, 2000. - С. 130–135.

24 Лосев А.Ф. Расцвет и падение номинализма. Мыслительно-нейтралистская диалектика XIV века // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.: Политиздат, 1991. - С. 380.

25 См.: Манделштам О. Указ. соч. - С. 132.

26 Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. - М.: Правда, 1989. - С. 371.

## ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ

О.Г. Дука  
(г. Омск)



**Олег Геннадьевич Дука**  
доктор исторических наук,  
зав. кафедрой истории и политологии  
Омского юридического института

Всё разнообразие интерпретаций понятия «история» в принципе можно свести и сводится к двум точкам зрения. С одной из них история рассматривается как совокупность или хранилище объективных фактов о прошлом (то, что произошло). С другой же точки зрения история рассматривается как реконструкция, воспроизведение того, что произошло – особый дискурс.

В чём сходство и отличие этих подходов? Сходство состоит в том, что и реальная история, и история-дискурс есть по существу тексты. Разница же состоит в том, что, с одной стороны, реальная история является источником для истории-дискурса, а с другой – история-дискурс является формой

репрезентации реальной истории. И если история как таковая представляет собой форму реализовавшейся действительности, которая воспринимается нами как необходимо, безальтернативно существующая, то история как дискурс воспринимается нами как принципиально возможная, многовариантная форма реализовавшейся действительности.

История как таковая представляет собой бесконечный во времени и неисчерпаемый по содержанию поток переходящих одно в другое событий. Отграничение одного события от другого, установление их «включённости» одного в другое устанавливается в ходе их научного исследования историками на основе определённых теоретических установок. Другими словами, растворённые в едином континуальном потоке исторического процесса события превращаются в единичные смысловые дискретности – научные эмпирические факты истории под влиянием теории, которой придерживается тот или иной историк. Каждая теория «видит» (а по существу – формирует) свои факты. Каждый исторический факт теоретически нагружен. Собственно, событие и фактом-то становится в свете определённой теории, определённого дискурса.

Элементами дискурса истории являются: 1) излагаемые события, их участники и 2) контекст, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события, б) фон, поясняющий события, в) оценка участников событий, г) информация, соотносящая дискурс с событиями.<sup>1</sup> Специфическими чертами исторического дискурса являются хронологически последовательное изложение событий, сюжетизация и драматизация изложения.